

роман грачев

ТОМКА

ДОЧЬ ДЕТЕКТИВА

Роман Грачев

Томка, дочь детектива

«Издательские решения»

Грачев Р.

Томка, дочь детектива / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741546-4

Частный детектив, 38-летний Антон Данилов, в одиночку воспитывает шестилетнюю дочь Тамару. Жена и мать их оставила. Томка — подвижная, шустрая, невероятно жизнелюбивая и стрессоустойчивая девчонка; занимается танцами, любит Майкла Джексона, тяжелый рок и фильмы ужасов. История первая. Устоявшееся семейное равновесие нарушено. Знакомство с очередным клиентом агентства переворачивает всю историю Даниловых с ног на голову. И далеко не последнюю роль в этой истории играет она — дочь детектива!

ISBN 978-5-44-741546-4

© Грачев Р.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
1. Параллельная реальность. Вечер трудного дня	7
2	10
3	15
4	19
5	22
6	25
7	31
8. Параллельная реальность. Утренний ангел	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Томка, дочь детектива

Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-1546-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Суслик, ей-богу.

Раскидала ногами покрывало, засунула указательный палец в ноздрю и свистит оставшейся половинкой носа.

Иной раз удивляюсь, как у меня получилось. Отродясь чудес не совершал. Слыл сухим и жестким. Временами жестоким, пусть и без фанатизма. В душе – лирик, снаружи – терминатор. А что делать, служба такая. Дважды два – четыре, солнце вращается вокруг земли, Бура-тино придумали под кайфом.

Но нет. Проросло.

И вот теперь сопит этот суслик на моей половине кровати, сунув палец в нос на целую фалангу, и видит сладкие сны, причмокивая от наслаждения. И завтра будет так. И послезавтра. И через неделю. Через год. До самого совершеннолетия, пока не явится на порог Принц На Белом Конне с безупречной родословной, которому я смогу вручить свою Принцессу с чистой совестью.

Но до тех пор каждые пять минут – «Пап-чка! Пап-чка! Пап-чка!»...

Моя жизнь мне давно не принадлежит.

Она принадлежит – ей.

Без остатка...

Черт, куда я задевал щеки на сандалики? Разорвались, недели не проходила.

1. Параллельная реальность. Вечер трудного дня

– Том!

Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Тамара!!!

Шелест журнальной страницы, вялый отзыв:

– Пап, я занята.

– Чем?!

– Читаю.

– Так увлекательно?

– Ага.

– Ну-ка вслух давай!

– Не буду.

– Почему? Что ты читаешь?

– Тут какие-то тёти... и тити.

– Так, положи на место, это мое!

– Баба Соня говорила, что такие журналы читать нельзя ни детям, ни взрослым.

– Если бы баба Соня в молодости читала такие журналы, я вырос бы в полноценной семье, а не с матерью-одиночкой.

– Чего?

– Ничего. Спать пора!

– Я еще немного почитаю.

– Я тоже посчитаю – до трех, и ты кладешь журнал на тумбочку. Раз...

Вздых. Даже не вздох – рассерженный рев. Томка бросает свежий номер «Максима» на мою прикроватную тумбочку и шлепает по полу босыми ногами. Прошмыгивает у меня за спиной, скидывает на пол трусики и вскоре исчезает за мутным стеклом душевой кабины. Включается вода, затем почти сразу начинается песня – «Часики» Валерии. Она ее обожает, все время поет; текст, правда, местами прожевывает, но зато в нотах не соврала ни разу. У дочки поразительные музыкальные данные.

Я заканчиваю бриться. Тамара одновременно со мной выключает воду и открывает дверь кабины. Мордашка розовая, рот раскрыт в довольной улыбке. Не хватает двух зубов. Через прореху Томка высовывает кончик языка.

– Пап, полотенце дай.

Протягиваю большое банное полотенце. Дочь пропадает в нем с макушкой, усиленно натирается. Помощи не просит, и это к лучшему, хотя мне порой очень хочется снова возиться с ней, как с пупсиком.

Вскоре она уже стоит передо мной в голубой пижаме с короткими штанишками.

– Пап, я лягу с тобой?

Теперь уже я издаю рассерженный рев. Нет, вру – стон. Мне не хочется, чтобы она спала рядом. Во-первых, я не высыпаюсь; она всю ночь ворочается, кладет ноги мне на грудь, делает немислимые кульбиты, нередко попадая коленом в пах. Во-вторых, девочка не должна все время спать с отцом. Не так давно детский психолог популярно объяснила мне, чем это чревато. Даже не хочу повторять – жуть.

Но я ничего не могу поделать, когда она смотрит на меня «честными глазами Кота В Сапогах». Она знает мои слабые места лучше меня самого.

– Слушай, мышонок. – Я присаживаюсь перед ней на колени и беру за ручки. – Вообще-то ты не заслужила моего снисхождения сегодня.

– В смысле?

– В смысле ты меня огорчаешь.

Искреннее изумление:

– Как?!

– Бойкотируешь гимнастику.

Она задумывается. Выражение круглого личика становится еще более трогательным. Иногда ей не понятны сложные термины, но она старается думать.

Поясняю претензии:

– Тебе не нравится гимнастика, Том?

Она опускает голову.

– Нравится. Там канаты...

– Тогда в чем дело?

– Не знаю. – Томка пожимает трогательно плечиками, заглядывает мне в глаза снизу вверх, и я вижу, что тучка улетает. – В общем, я все равно лягу с тобой, да?

– Если прямо сейчас соберешь с пола своей комнаты все монетки и медальки, тогда я обещаю подумать.

Она тут же, сверкая пятками, удирает к себе. Вскоре из комнаты доносится звон монет, разбросанных ею час назад по полу. Томыч обожает старые монетки и медальоны, может возиться с ними часами, перекладывая из стопки в стопку, оттирая от пыли и жира. В ее коллекции есть все монеты советского периода, включая несколько юбилейных рублей, посвященных государственным праздникам, пара коллекционных серебряных долларов с изображением орла и кучерявой свободолюбивой женщины; есть даже один старинный медальон с изображением креста, переплетенного с буквой «М» (его подарила Марина, а ей самой он достался в наследство от кого-то еще) и целая пригоршня современных гривенников, от которых отказываются в магазинах. Некоторые раритеты Тамарка постоянно носит в узких джинсах, не желая расставаться с ними ни на минуту, но они все время выпадают из дырявого кармана. У меня никак руки не доходят заштопать дырку.

Судя по звукам, монеты отправляются на ночь в пластмассовую шкатулку. Через мгновение Томка вновь стоит передо мной. Выражение на лице – как у собачки, ожидающей кусочек печенья. Не хватает виляющего хвостика.

– Все сделала?

– Да!

– Тогда еще одно задание.

Томка кривится:

– Пап, ты меня обманываешь!

– Нет, все честно, я ведь обещал только подумать. Пока я думаю, загадай мне еще одну загадку, и если я ее не отгадаю, так и быть, ляжешь со мной.

Это наша развивающая игра. Недавно Томка нашла нечто привлекательное в загадывании загадок. С каждым разом получалось все лучше.

– Та-ак, – говорит дочь, прижав указательный пальчик к щеке и задумчиво глядя в потолок, – он гладкий... умеет улыбаться... стучит маленькими зубками, кушает рыбу и немножко похож на акулу, но не акула, потому что добрый. Кто это?

Я делаю вид, что для моего скудного умишка эта задача слишком сложна. Тоже прижал указательный палец к щеке и смотрю в потолок.

– Улыбается, гладкий, с зубами, но добрый. Даже не знаю... осьминог?

– Неправильно! – искренне радуется дочь моему позорному провалу и удирает в спальню.

– Если хоть раз пнешь меня, унесу на балкон! – кричу вслед.

– Не унесешь, на балконе холодно! Ты тоже добрый!

Я смеюсь, потому что ничем не могу возразить. Она права, я как дельфин – с зубами, но добрый.

Лишь ближе к полуночи Томка засыпает. Я лежу под светильником, читаю новый детектив Питера Джеймса. По сюжету, одного молодого пьяного идиота за день до свадьбы друзья решили разыграть: положили в гроб и закопали в лесу, а потом все до единого погибли в автокатастрофе; чувак остался в гробу с телефоном, но дозвониться ни до кого не может, и никто не знает, где он находится. Реальная жесть.

Вскоре у меня слипаются глаза. Я почти проваливаюсь в сон, как вдруг босая пятка, торчащая из штанины пижамки, утыкается мне в щеку.

– Тамара, блин!

Она чмокает губами, переворачивается в кровати валиком и припечатывает напоследок:

– Никуда не пойду... я сказала.

Так и живем.

Томке едва исполнилось шесть. Спросите меня, когда она успела повзрослеть и стать такой важной колбасой, и я вам ничего не отвечу. Кажется, будто еще на прошлой неделе я убаюкивал на груди маленький сопящий комочек, а вот она уже попастая девица с длиннющими светлыми волосами, красит губы бесцветной помадой и отвечает на мои одергивания вульгарным «Всё, я заткнулась».

Видимо, я просто замотался. Когда ушла Марина, я работал столько, сколько было нужно для безбедной и комфортной жизни нас двоих – меня и моей дочери. При Маринке я, бывало, пропадал в офисе днем и ночью. Да, я набрал толковых помощников, способных честно работать без надсмотрщика, но у них имеются свои семьи и собственное представление о мировой гармонии. Пару раз они бросятся на амбразуру ради начальника, но на третий сошлются на трудовой кодекс. И будут правы. Каким бы фанатом своего дела ни был я, это *только мое дело*, а кодекс приходится чтить. Считайте меня социально ответственным леваком.

Но, повторюсь, это было до ухода Марины. Когда год назад моя жена и мать Томки заявила, что жить так дальше не желает, мне пришлось существенно скорректировать свой распорядок. Теперь нужно было не просто много работать, но и успевать заниматься дочерью. Хочется верить, что я справляюсь.

Впрочем, я сейчас не о работе. Грусть вызывает другое обстоятельство: шести лет как не бывало! Конечно, с Томкой жизнь не всегда была безмятежной, как и с любым другим маленьким ребенком. Пусть болела она реже остальных (я, признаться, даже не знаю, где находится наша районная поликлиника, потому что нас обслуживают знакомые врачи), но возрастные кризисы мою девочку преследовали так же, как и всех ее сверстников: «Не хочу, не буду, не опоздаю, не потеряю, не упаду!»... миллион отрицаний на каждое разумное предостережение. Все было – и температура под сорок, и подозрение на сотрясение мозга от неудачной встречи с тумбочкой, и конфликты с педагогами. Было все... и ничего не было. Короткий вжик – и ей через год уже в школу, а у меня на макушке назревает лысина.

Персонаж Билла Мюррея в «Трудностях перевода» с грустью констатировал: когда рождаются дети, ты понимаешь, что твоя собственная жизнь больше не имеет смысла.

Ужель он прав?

Ладно, долой самобичевания и самокопания.

Спать...

2

Утром солнце заливало кухню ярким майским напалмом. Голова гудела с недосыпа. Томка всю ночь мутила меня ногами, а один раз даже заехала локтем в висок. В таких случаях я бываю весьма агрессивен, вырываюсь из плена беспокойного сна с явным желанием разорвать на куски обидчика... и едва удерживаюсь, чтобы не сбросить родную дочь на пол. Утром, конечно, все проходит, но ночью я опасен. Потому и не люблю, когда она спит со мной.

Я приготовил завтрак. Папе – яичница, дочери – вишневый йогурт и печенье с молоком. Тамара категорически не желает завтракать в садике, хотя иногда там подают неплохие блюда. Воспитательница Олеся Лыкова, наша соседка по подъезду, оставляла для нее тарелку с кашей и бутерброд с маслом, но Томка всегда приходила сытая. Мне оставалось лишь разводить руками. К счастью, Олеся не обижалась.

Дочь долго не поднималась с кровати. Я включил в ее комнате бумбокс. Услышав «Т. Н. Т» от «АС/ДС», Томка открыла глаза, посмотрела сонными и смеющимися глазами.

– Отнеси.

– Ага! Давай поднимайся, умывайся, переодевайся. Носки, шортики и футболка в гостиной.

Я развернулся, но в спину полетело:

– Отнеси-и-и!

Я был непреклонен.

Спустя несколько минут она выплыла в кухню одетая. Села за стол, принялась за завтрак. Я сел напротив.

Мы кушали и молчали. Томка время от времени бросала заинтересованный взгляд на мою тарелку, где еще оставались ломтики ветчины. Я заподозрил самое худшее.

– Пап...

– Да?

– Я тоже хочу колбаски.

Я вздохнул. Отломил вилкой кусочек ветчины и переложил в ее блюдце. Она съела молниеносно и вновь ожидающе стала глядеть на меня, точь-в-точь как наша кошка Тика, питающаяся отрезками мяса, которые я бросаю ей во время приготовления ужина.

– Это последний, – сказал я, – иначе я сам останусь голодный.

Она проглотила второй кусочек колбаски и честно выполнила условия договора, вернувшись к своему завтраку. Я тем временем налил в чашку свежесваренный кофе. Я бываю очень счастлив теми утрами, когда успеваю заварить настоящий кофе, а не бурду из пакетиков.

Впрочем, радовался я рано. Зазвонил мой мобильный телефон.

– Алло?

Это Олеся. Она была взволнована и снова извинялась. Она всегда извинялась, когда звонила, и до сих пор, на четвертом году нашего знакомства, продолжала упорно говорить мне «вы» даже без свидетелей.

– Антон, доброе утро, извините, что беспокою.

– Привет. Сдается мне, утро уже не очень доброе. Случилось чего?

– В садике нет воды, всех распускают по домам.

Я беззвучно чертыхнулся. Томка смотрела на меня со сдержанным любопытством.

– То есть я ребенка могу не вести?

– Ага. Извините уж.

– Перестань извиняться, Олесь, ты здесь ни при чем. Они могли бы и предупредить.

– Они предупреждали. На двери подъезда два дня висело объявление, что воды не будет во всем квартале. Вы не видели?

Я снова чертыхнулся, теперь уже вслух. Объявление я видел, но напрочь о нем забыл.

– Что ж делать-то? Бабушка наша занята.

– Я могла бы посидеть с Томкой.

– Нет, спасибо. Возьму ее на работу.

– Ну, смотрите.

– Олесь...

– Да?

Я кивком велел Томке кушать побыстрее.

– Хватит мне «выкаты». Ты вынуждаешь меня делать то же самое, а я этого не хочу, потому что мы тысячу лет знакомы и живем в одном подъезде.

Она смутилась еще сильнее. Кажется, даже трубка в моей руке вспотела.

– Просто я вас... тебя... уважаю.

– За что, господи?

– Ну, вообще. Редкие мужчины в наше время способны самостоятельно воспитывать дочь.

Теперь уже смутился я (хотя, признаться, мне было довольно приятно).

– Уважай чуть меньше, иначе я лопну от важности.

– Договорились.

– Тогда до завтра... надеюсь, завтра вода будет?

– Завтра суббота.

– Да что ж такое!.. Ну, тогда до понедельника.

Томка уже закончила с завтраком и болтала ногами.

– Сегодня едешь со мной.

Неописуемый восторг.

– С тобой?!

– Ага.

– На работу?!

– Да. Но учти, будешь мне мешать...

– Ладно-ладно, раскомандовался!

В машине Томка потребовала «Невесту Чаки». Недавно увидела у меня на мониторе компьютера рекламный баннер этого молодежного ужастика, изображающий заштопанную нитками куклу-убийцу, и захотела посмотреть. Обычно я внимательно слежу за тем, что она смотрит и слушает, но вместе с Олесей мы пришли к выводу, что ребенку необходимы самые разные эмоции. Поводов подозревать ее детскую психику в неустойчивости Тамарка не давала: в три года спокойно пересмотрела всю трилогию «Человека-паука» с Тоби Магуайером, выучив наизусть до последней сцены, а в четыре года познакомилась с творчеством Майкла Джексона в самой радикальной его части – посмотрела клип «Триллер» и влюбилась в него с первого взгляда, став фанаткой уже почившего к тому моменту Майкла. Что касается Чаки, кромсающего невинных жертв в капусту, то кукла казалась не страшнее мертвяков Джорджа Ромера. Особенно Томке нравился саундтрек к фильму – «Ожившая девочка-мертвец» Роба Зомби.

Более несгибаемого ребенка я в жизни не встречал.

Мы ехали по умытому дождем проспекту в мой офис. Грохотал Роб Зомби, через щель в окне в салон врвался свежий воздух. Томка бесновалась на заднем сиденье. Жизнь была прекрасна.

По дороге вновь зазвонил телефон. Если бы не вибросигнал, я бы его не услышал. Пришлось вырубить музыку.

– Пап!

– Я говорю по телефону, помолчи. Алло!

– Антон, доброе утро.

Это был Петр, мой верный помощник. Я с удовольствием сделал бы его и партнером, если бы он согласился пожертвовать хотя бы рублишко на становление компании, но парень отказался, сославшись на скудость средств и недостаток тщеславия. В самом деле, Петр окончил математический факультет, затем овладел профессией программиста, и его епархия – структурирование, логистика, анализ данных. Остальное ему неинтересно.

– Слушаю тебя, Петь.

– У нас важная шишка.

Я закрыл окна в машине, чтобы не мешал ветер.

– Что желает?

– Тебя.

– Поручить некому?

– Ребята свободные есть, но он требует директора. Я второй час не могу его выставить.

– Он уже в офисе?

– Пришел почти одновременно со мной, даже ожидал на скамейке.

– Представился?

– Нет.

Я начал стучать пальцами по рулю. Впереди на дороге ожидал серьезный затор. Если не предприму никаких маневров, то застряну и потеряю много времени.

– Ладно, – сказал я, – пусть ждет, буду через десять минут.

– Добавлю минут пять для верности, – хмыкнул помощник.

– Валяй.

Я выключил телефон, выпустил из плена Роба Зомби и утопил педаль газа до упора.

До офиса в центре города мы долетели за семнадцать минут. По дороге я едва не оцарапал чей-то бампер и вдоволь наматерился. Томка сидела на заднем сиденье притихшая. Она всегда ведет себя подобным образом, когда я начинаю серьезно нервничать. Пожалуй, единственная вещь, которая способна вогнать ее в ступор, это мой безумный крик. При этом ее совсем не задевают матерные слова, словно юное сознание их игнорирует.

В холле меня встретил Петр. В руках он держал поднос с чашкой кофе и блюдцем с печеньем. Он как раз направлялся из кухни, что располагалась в левом крыле офиса, в приемную моего кабинета, что находилась в правом крыле. Посередине, в просторном холле, у стойки офис-менеджер Настя Голубева дозванивалась до какого-то детектива.

– Он ждет, – сказал Петя и перевел взгляд ниже, на мою длинноволосую спутницу. – Томыч, привет!

– Привет, Петрушка! – подмигнула дочь. – Дай пять, как твое ничего?

Они поздоровались. Чашка с кофе едва не сорвалась с подноса.

– Завтрак клиенту? – спросил я.

– Да. Сам затребовал.

– Крут.

Мне надо было пристроить куда-то Томку. Рассчитывать на то, что ближайшие несколько часов она проведет как послушный ребенок, рассматривающий картинки в журналах, не приходилось. Более того, не было уверенности, что я располагаю даже полчаса рабочего времени.

– Настя, отвлекись немного.

Девушка за стойкой, закончившая разговор по телефону, улыбнулась приветливо.

– Здравствуйте, Антон Васильевич. Присмотреть за Тамарой?

– Ты умница. Раскраски с прошлого раза остались?

– Есть пара штук.

Я присел на корточки, взял Томку за руки.

– Душа моя, к тебе просьба.

– Вся внимание, мистер папа.

– Не дурачься!

Она попыталась сделать серьезное лицо, но получилось ужасно. Великая трагическая актриса в ней скончалась, не приходя в сознание.

– Зайди к тете Насте за стойку, возьми фломастеры и раскрась мне все чистые картинки, какие найдешь. Я потом проверю.

– Все чистые картинки?

Я вовремя спохватился.

– Нет, только картинки в журнале для раскрашивания.

Томка вздохнула.

– Ладно, пап. Только знаешь, что я хочу тебе сказать...

Я поднялся. Не люблю таких предисловий.

– Когда ты закончишь, мы пойдем кататься на роликах. Ты обещал.

– Когда?!

– Через вчера.

– Ты хотела сказать «позавчера»?

– Да.

Я задумался. Возможно, я действительно мог сдуру пообещать ей и ролики, и велосипед, и шоколадного кенгуру на палочке, если она окажет мне маленькую любезность быть послушной, но сегодня вечером ролики точно отменялись, потому что вечером нас ожидали занятия по спортивной гимнастике, которых она избегала.

Я не стал заострять на этом внимание, просто развернулся и ушел. Дочь, также ничего не говоря, исчезла за стойкой, заняла там место за низеньким столиком в углу, и вскоре я услышал звон фломастеров в стеклянной вазе.

Полчаса есть.

Моему визитеру на вид было лет сорок пять-пятьдесят. Слегка полноват. Определению «важная шишка» он соответствовал процентов на восемьдесят: дорогой синий костюм, золото на пальцах, блестящие, будто только что из обувного магазина, черные туфли. Мешало лишь чуть напряженное лицо. Впрочем, иным оно и не могло быть, ибо поделиться радостью в мой офис не приходят.

Он сидел на кожаном диване в приемной, пил кофе и сосредоточенно изучал, как Петр за столом молотит по клавишам компьютера.

– Это вы меня ожидаете? – спросил я, остановившись сбоку от дивана. Посетитель приподнялся.

– Да.

Он протянул руку. Рукопожатие показалось жестковатым.

– Тогда прошу в кабинет.

Пока я отпирал дверь, посетитель бросил взгляд на недопитую чашку кофе, и мне показалось, что в этом взгляде было больше красноречия, чем во всех его словах, которые я услышу в следующие полчаса. Мужчина посмотрел на кофе как больной старик на отнятую у него кислородную подушку.

В кабинете было душно. Я раскрыл окно. К духоте добавился городской шум, потому что окно выходило на центральный проспект, загроможденный автомобилями и общественным транспортом. Я давно собирался поставить кондиционер, но все жалел денег.

Мой визитер, не дожидаясь приглашения, уселся за стол, положил на него руку, стал отбивать пальцами замысловатый ритм. Я решил, что он репетирует предстоящую речь: «Я

настаиваю на конфиденциальности, выполнении особых условий, обязательности постоянного отчета»... Для меня в этом не было ничего нового, как и в том, что я не позволю ему чувствовать себя хозяином положения. Пусть он мой клиент, но условия буду ставить я, в противном случае просто не возьмусь за дело. Старого пса не обучишь новым трюкам, а бывших ментов не бывает.

– Итак, – сказал я, усаживаясь в кресло, – чем могу?

Он молчал. Смотрел на меня пытливо и взволнованно. Я в долгу не остался, тоже занялся его изучением. Мне казались наиболее вероятными две причины его появления: ему требуется прощупать потенциального партнера, собрать необходимую информацию, оценить риски... либо его привела личная беда.

– Слу-ша-ю. – Я добавил стальные нотки, чтобы он не думал, будто я могу ждать вечно. Гость очнулся.

– У меня очень деликатная просьба. – Он полез во внутренний карман пиджака. Теперь уже было очевидно, что он не на шутку взволнован. Рука застряла в кармане.

– Других просьб здесь не озвучивают.

Рука, наконец, выбралась наружу. Визитер положил на стол фото. Изображением вниз.

– Меня зовут Виктор, – сказал мужчина. На лбу выступили капельки пота. – Виктор Кормухин. Я хочу, чтобы вы проследили за этой женщиной.

«Какая пошлость», – подумал я. Для этого он требовал личной аудиенции? Отдать команду проследить за неверной супругой мог любой из тех, кто ошивается утром в офисе. Тот же Петр мог в лучшем виде все оформить.

– Очень хорошо, Виктор. Вы можете отдать всю необходимую информацию моему помощнику, оплатить расходы, и дело будет...

Он нетерпеливо закашлялся, и я понял, что сморозил глупость. Никаких помощников, никакой оплаты через бухгалтерию, все настолько важно и конфиденциально, что дело должен курировать лично я.

Интересно, кто изображен на фотографии?

– Может, для начала хотя бы перевернете снимок?

Он кивнул, взял фото за уголок, стал медленно переворачивать. В какое-то краткое мгновение, почти наносекунды, я почувствовал необъяснимое волнение.

В просьбе Кормухина не было ничего странного. Проследить за неверным супругом, взрослеющими детьми и другими бестолковыми членами семьи нас просят едва ли не каждый день. Большая часть заказов выполняется за два-три часа, ибо частенько за подозрениями клиентов скрывается обычная паранойя. Даже если попадаются интересные экземпляры, они все равно не стоят такого напряжения.

Почему же я волнуюсь сейчас?

Спустя еще секунду я понял, что волновался не зря. Когда фотография легла изображением вверх, я едва сдержал вздох. Сохранить беспристрастное выражение лица мне удалось с большим трудом.

3

Я привык принимать решения самостоятельно. И не привык их менять. Если решил – назад пути нет.

Кремень.

Одно из таких поворотных решений, изменивших всю мою жизнь, было принято чуть больше шести лет назад. Результат сидел сейчас за стойкой секретарши и разукрашивал старыми фломастерами картинку в детском журнале. Я благодарен судьбе за то, что у меня есть Томка. Не будь дочери – я клял бы себя за опрометчивость и самонадеянность.

...Я дослужился до майора, когда понял, что больше не хочу играть по чужим правилам. Я старый сыскной волк, мне не было дела до мерзостей, которыми пачкали руки некоторые мои сослуживцы. Возможно, я бы служил и по сей день, но, простите за пафос, честь мундира... Чем чаще приходилось отмывать эту самую честь, загаженную кем-то из близких, тем сильнее я осознавал, что дальше так продолжаться не может. Либо ты остаешься и принимаешь правила игры, либо уходишь, чтобы окончательно не слиться с ландшафтом. Третьего не дано.

Кое-кто из моего главка повесил убийство на невиновного человека. Точнее, не совсем невиновного – в списке ангелов он тоже не числился. На Николае Чебышеве по прозвищу Чебурашка висело порядочное количество подвигов. Многие из них не удалось доказать, но Чебурашку, так или иначе, взяли на уgone дорогой машины. Мой многолетний подопечный, которого лично я закрывал дважды, уважаемый в своих кругах специалист очень редкой квалификации, вдруг расслабился: гулял по ночному городу с девочкой, решил ее поразить и вскрыл смеха ради припаркованный на обочине одинокий «лексус». И сошло бы ему это с рук, как и многое другое, но совсем чуть-чуть ошибся Чебурашка со временем, в течение которого сигнал спутниковой противоугонной системы «лексуса» позволил обнаружить и локализовать цель. Принял парня душевно экипаж ДПС через несколько кварталов от места угона. Девочка благоразумно исчезла (видимо, великодушный рыцарь прогнал ее от греха подальше).

Взятого с поличным Чебурашку стали крутить на остальные его прегрешения. Что-то удалось размотать, что-то осталось недоказанным, но некоторым моим коллегам (и бывшим друзьям, к вечному стыду моему) вздумалось повесить на него «глухаря» – зверское убийство хозяев элитного коттеджа, обошедшее страницы всех местных газет и новостные телепрограммы. Достал всех Чебурашка своим независимым характером, и решили его таким образом изолировать до скончания веков.

Ребята допустили ошибку. Чебышев был добродушный парень, не злой, покушался исключительно на имущество, но никогда – на здоровье и уж тем более человеческую жизнь. Разумеется, мне по долгу службы положено игнорировать эмоции и доверять лишь фактам, но некоторые вещи очевидны, как ни крути: не мог он во время ограбления или даже на разбое хладнокровно покрошить в капусту двух молодых людей, в том числе беременную женщину. Не его фактура. И улики, честно говоря, маловато, только косвенные. Я сразу обратил на это внимание, но меня отодвинули. Убийство молодой семьи предпринимателя Сергея Панина, школьного друга нашего мэра, вызвало серьезный резонанс, сверху требовали результатов, а если таковых не имеется, то их можно нарисовать. Чебышев оказался не в том месте не в то время. Прицепили к парню двух подельников, утяжелив статью, и закрыли на двадцать пять лет. Практически до старости.

Поганая история.

Я держался недолго. Через неделю после оглашения приговора подал рапорт. За спиной осталось много порядочных ребят, которые были бы рады уйти со мной, но что-то держало (даже не хочу думать что именно). Наша прослойка трудяг-сыскарей, не ищущих славы и медалей, не крышующих бизнес и не кичащихся своей принадлежностью к касте неприкасаемых,

с каждым годом становится тоньше. Скоро расследовать реальные преступления будет просто некому.

В общем, шесть лет назад я ушел на вольные хлеба. Практически одновременно познакомился с женщиной. Душа моя требовала чего-то постоянного и неизбежного. С той неблагоприятной работой, которой я занимался половину жизни, семью не заведешь, а если заведешь – едва ли сохранишь.

Марина вполне годилась на роль жены и матери. Во всяком случае, я в ней особо не ковырялся. Я где-то читал, что если период ухаживания длится слишком долго – несколько лет, например, – то супружество уже не приносит ожидаемой радости; вы успеваете надоесть друг другу, вы многое испробовали и уже не ждете открытий. Поэтому я долго не думал, полугода мне хватило, чтобы разобраться: Маринка толковая, с юмором, легкая на подъем, в постели очень неплоха... «так чего ж тебе надо, собака?», говорил один киношный царь.

Взял и женился.

Правда, Маришка была уже на втором месяце, когда мы оформили наши отношения. В этом не было подвоха. Мы разговаривали только один раз и больше никогда не возвращались к этой теме.

Я спросил: «Ты хочешь этого ребенка от меня?».

Она отвела глаза сначала. Я вернул ее милую головку в исходное положение. Спросил еще раз.

«А ты сам его хочешь?» – спросила она с вызовом.

Я ответил утвердительно. Сказал, что женюсь, но не благодаря залету, а от чистого сердца и по собственному желанию. И потому что люблю.

Любил?

Пожалуй.

Всяк любит по-разному. Я любил – так. Без надрыва, клятвенных обещаний, прыжков с моста и цветов, украденных с муниципальной клумбы. Наверно, я не романтик. Я просто принял решение и менять его не собирался.

В общем, поженились. Томка родилась в полной и счастливой семье. Пеленки, подгузники, ночные подъемы, прививки, поносы и насморки – все пережито в полной мере. Предпочитая оставаться ближе к профессии, я открыл собственное детективное агентство. Начиная с маленького дешевого офиса, розыска блудных мужей и слежкой за неверными женами. Днем пропадал в конторе, поднимая и прорабатывая старые служебные контакты в прокуратуре и городском УВД, набирал персонал, а иногда и самостоятельно выполнял заказы клиентов. Вечером и ночью дежурил возле Томки. Честно говоря, в первые пару лет я даже не замечал, как она растет, потому что находился в полубормочном состоянии.

А девчонка взяла и выросла.

Увы, я проглядел не только взросление ребенка. Я проглядел и свою женщину. Понятия не имею, когда и как это произошло. Очевидно, за трехлетний декретный отпуск Маринка накопила достаточный запас глухой ярости. Когда мы устроили ребенка в садик, она пошла работать секретаршей в какую-то фирму. Чем занимается компания, она не сообщила, забыв, очевидно, что ее муж – профессиональный сыщик. Я навел справки и выяснил, что Маришка угодила в подставную коммерческую однодневку. Собрав какие-то темные деньги, фирма лопнула, руководство исчезло в неизвестном направлении. Маришка едва не пошла по статье – помогли мои связи в прокуратуре и ОБЭП.

Еще полгода пересидела дома, пока я раскручивал бизнес. Потом снова заскучала. Я предлагал ей заняться чем-нибудь в моем агентстве, но она отказалась: «У нормальных жен есть возможность прийти домой и поплакаться мужу на начальника, а у меня такой возможности не будет».

Она вновь самостоятельно устроилась на работу. На этот раз в очень солидную торговую компанию, давно существующую на рынке. Я по привычке наводил справки, но Маришку это привело в ярость. Ей казалось, что я шпиону за ней, не даю шагу ступить, опутал сетью микрофонов, датчиков, везде рассовал своих тайных осведомителей... чистой воды паранойя, хотя сейчас я иногда задаю себе вопрос: может, я действительно где-то перегнул палку и забрался на территорию, где мне лучше не появляться? Несмотря на упрямство и твердость в принятии решений, я все же довольно часто сомневаюсь в своей правоте.

С каждым днем Маришка все больше закрывалась, уходила в себя, пропадала на работе и с подругами. Томка ходила в садик, со временем проявляя все большую привязанность ко мне. Обнаружились многочисленные таланты и способности, требующие развития. Как уже упоминалось, дочка отлично воспроизводила услышанные мелодии, неплохо двигалась, не говоря уже о том, что испытывала вполне естественную тягу к письму и чтению. Всем этим необходимо было заниматься, но Марина, кажется, отстранилась от воспитания нашего общего дитя.

Я решил поговорить.

– Ты знаешь, кто такой Доктор Осьминог?

– Что? – не поняла Марина.

– А сюжет «Аистенка и Пугала» знаешь? Ты в курсе, какие фильмы она смотрит, какие книги читает? Так больше продолжаться не может. Томке не хватает матери.

– Что предлагаешь? Снова сидеть дома? Спасибо, я чуть не сдурела.

– А чего ты ожидала? Других способов пока не придумано. Мне казалось, ты хотела этого ребенка.

И вот тут она взяла паузу, от которой меня до сих пор берет дрожь. Что означало ее молчание? Сожаление?

Я взял Томку на себя. Старался оптимизировать работу своей конторы так, чтобы снизить собственную нагрузку. Ирония судьбы – я нашел время для семьи в тот самый момент, когда семья перестала во мне нуждаться. Во всяком случае, довольно существенная ее часть. Если ваза разбилась, ее можно склеить, но оставшиеся трещины делают вазу уязвимой до скончания веков. Дома Марина все чаще была неуравновешенной, злой, стала срывать на ребенка. Как следствие, Томка еще больше тянулась ко мне. Я водил ее на танцы во дворец пионеров, на уроки письма и чтения к частному преподавателю. Мы проводили много времени вместе. Марина бесилась еще больше.

В один прекрасный день она просто не явилась домой. Позвонила и сказала, что останется у подруги. Я смолчал.

Ничего не сказал и следующим вечером, когда она забежала за вещами. Томки в этот момент дома не было, она гостила у моей матери. Я сидел на диване, молча смотрел на спящую туда-сюда жену и удивлялся своему состоянию: *я не испытывал горечи.*

В тот день я задал лишь два вопроса:

– Надолго?

Она остановилась с чемоданом посреди гостиной.

– Не знаю.

– Что сказать дочери?

Она пожала плечами.

– Что хочешь. Вы прекрасно ладите. Думаю, она тебя поймет и поддержит, что бы ты ни наплел.

И жена ушла.

Да, Томка все поняла. Я скормил ей какую-то ерунду о командировке, в которой маме надо задержаться, и дочка слопала эту ложь с привычной улыбкой, как печенье с шоколадным

сливочным маслом. Марина пару раз звонила, говорила с дочерью, но я заметил, что Томка торопится побыстрее закончить разговор, чтобы вернуться к игрушкам или мультикам.

После финального звонка жены, когда она сказала, что «нашла себя», я основательно надрался. Впервые за многие месяцы. Просто пришел к матери, уложил дочку спать, а сам сел на кухне и стал пить.

– Может, оно и к лучшему, – успела сказать матушка, пока я еще не вырубился. – Если вам суждено было расстаться, пусть это случится сейчас, пока Томке всего пять.

Я кивал, говорил «угу» и все наливал в рюмку коньяк.

– А у Марины твоей, похоже, действительно отсутствует материнский инстинкт, – продолжала мать. – Я давно это заметила, только не хотела тебя расстраивать. Надеюсь, что ошиблась. Не переживай, ты отличный отец, с тобой Томке будет хорошо.

– А если со мной что-нибудь случится?

Мать протянула руку к бутылке, чтобы забрать ее, но я вцепился клешнями намертво.

– Тогда живи так, чтобы с тобой ничего не случилось. Сегодня я за внучкой приглажу, а дальше – смотри...

Это было год назад.

Сейчас я стараюсь жить так, чтобы со мной все было в порядке. Я нужен этой белокурой девчонке с волосами до попы и «окошечком» в частоколе зубов. Кривой, косой, пьяный, уставший, злой, но я *должен у нее быть*, потому что я для нее – всё.

Надеюсь, у меня получается...

4

...Но сейчас я смотрел на фотографию Марины, лежавшую на моем рабочем столе, и пытался унять дрожь в руках. Никогда не думал, что мы встретимся в подобных обстоятельствах. Последний раз мы говорили по телефону две недели назад. Она сказала, что потеряла какой-то документ и хотела бы его поискать в нашей квартире (*бывшей* нашей квартире, дорожка, поскольку ты отказалась от своей доли), но так и не пришла и не удосужилась объяснить, что именно хотела найти.

И вот она у меня на столе. Улыбается, как ни в чем ни бывало.

– Хорошо, – сказал я спокойно. – Мне нужны ее имя, фамилия, координаты, где она может находиться. Разумеется, если вам все это известно.

– Разумеется.

Виктор обильно потел. Похоже, визит сюда дался ему нелегко.

– Хотите воды?

– Нет, все в порядке.

Я услышал в его голосе нотки раздражения.

– Дело ваше. Итак...

– Ее зовут Марина Гамова. Она... – Виктор задумался, сосредоточенно уставившись в одну точку.

– Вы видели ее документы? – спросил я.

– Конечно! Хотя... хм, я должен проверять паспорта у женщин, которые мне симпатичны?

Он замялся. Очевидно, его отношения с Мариной зашли достаточно далеко. Неожиданно для себя я почувствовал укол ревности, и довольно болезненный. Передо мной сидел мой соперник.

Под моим испытующим взглядом он опустил голову.

– Вы правы, я довольно мало о ней знаю.

– Что же вас привело сюда? Точнее, что именно мы должны искать – любовников, тайное место встречи, темные пятна в биографии? Я спрашиваю не из досужего интереса («ой ли, Антоша?»), мне нужно правильно понять задачу, чтобы правильно поставить ее перед своими сотрудниками.

– Это разумно, – согласился Виктор, впрочем, без особого энтузиазма.

– Тогда я вас слушаю.

Он снова полез в карман. Я ожидал новую партию документов, но он всего лишь вынул сигареты.

– Здесь можно курить?

Я подставил пепельницу. Он неторопливо закурил, спрятал пачку в кармане, выпустил дым. Меня стало раздражать любопытство: что еще успела натворить моя бывшая?

– Марина увела меня из семьи. Точнее, не увела... слово-то какое идиотское, будто речь идет о племенном бычке... В общем, я был женат. У меня двое детей, они остались с супругой. Мальчик и девочка десяти и тринадцати лет.

Я чувствовал, как наливаюсь желчью, но старался не подавать виду. Ни один мускул не должен выдать моей заинтересованности.

– Я человек состоятельный и могу обеспечить своим детям безоблачное детство и относительно безмятежную юность. И с женой мы разошлись мирно, она не предъявила никаких завышенных претензий. В общем, так случилось, влюбился я...

– Когда это произошло?

– Что?

Я смутился. Вопрос был задан слишком эмоционально.

– Я имею в виду, когда вы встретились и, соответственно, когда приняли решение уйти из семьи?

– Это важно?

– Возможно, что и нет.

– Это случилось, – он посмотрел в потолок, – чуть больше года назад. Да, прошлой зимой нас познакомили на вечеринке общие знакомые. А спустя три месяца, когда наши отношения перешли в более глубокую фазу, я решил обо всем рассказать жене. Обошлось без больших скандалов, к счастью. Мы тогда снимали с Мариной квартиру на окраине, потому что свое жилье я оставил семье. Все вроде бы было хорошо...

Виктор снова замялся. Наверняка ему казалось, что он один такой несчастный на всем белом свете. Многие клиенты приходят ко мне как к венерологу, стесняются, краснеют. Можно подумать, их проблема уникальна.

– Мы прожили вместе больше полугода, переехали в центр в хорошую квартиру, а недавно Марина стала настаивать на заключении брачного контракта.

– *Настаивать?*

– Именно так. Она была очень настойчива. Конечно, поначалу я принял это за естественное желание иметь какую-то ясность, стабильность, подтверждение серьезности наших отношений, и я готов был рассмотреть этот вопрос. Но меня насторожила срочность.

Я задумался. Маришка, конечно, могла быть истеричной, взбалмошной, капризной... но чтобы она *настаивала*? Не припомню. С другой стороны, она могла измениться. Я все еще чувствовал уколы ревности. Говорят, ревность живет дольше всего. Когда любви уже нет, ревность продолжает трепыхаться, словно рыба на песке, и умирает последней, даже позже надежды.

Кормухин погасил сигарету в пепельнице, посмотрел на желтеющие пальцы.

– Мне показалось, что она преследует какую-то определенную цель, будто от заключения этого проклятого контракта что-то зависит.

– У вас есть догадки?

Он покачал головой. У него не было никаких идей, в противном случае он не пришел бы сюда.

Мысли в моей голове начали свои безумные гонки по вертикали. Сталкивались друг с другом, разбивались в мелкие осколки. Я никак не мог собраться.

– Позвольте поинтересоваться, – наконец сказал я, – какими активами вы располагаете?

– Это имеет значение?

– Конечно. Мне нужно знать, на что именно Марина Гамова может рассчитывать.

– Ну, у меня трехэтажный дом в поселке, с бассейном и участком леса. Двухуровневая квартира в центре. Есть кое-какая недвижимость в Москве. Два автомобиля представительского класса... э-э...

– Счета в банках? – помог я.

– Разумеется.

– С семизначными цифрами?

Он посмотрел на меня молча. Люди подобного рода должны уметь говорить взглядами, и Виктор вполне владел этим искусством. Я больше не задавал вопросов.

– Что ж, у вашей женщины хороший аппетит. – Я вынул наладонник, начал с деловым видом нажимать кнопки. На самом деле я лишь пытался скрыть свое волнение.

Ни с чем подобным я в своей жизни, кажется, еще не сталкивался. Должен ли я принять Виктора как дорогого клиента? Либо мне предстоит отправить его восвояси и самому серьезно заняться бывшей супругой? У меня есть все основания считать, что она вляпалась в какую-то историю. Какой бы ни была мать моей дочери, мне бы хотелось, чтобы с ней все было в порядке.

– Так вы возьметесь? – поторопил Виктор.

У меня всего пять секунд на ответ. Я должен излучать уверенность, иначе клиент уйдет.

– Да. Но прежде чем мы обсудим детали, я бы хотел узнать, почему вы выбрали именно мое агентство?

Я ждал нового откровения, но он просто пожал плечами.

– По рекомендации друзей.

5

Виктор Кормухин, «владелец заводов, газет, пароходов», ушел от меня через двадцать минут. Большого времени переговоры с ним не потребовали, ибо я и так знал о своей бывшей супруге почти все, за исключением ее нынешних мест обитания и новых привычек. Впрочем, как выяснилось, время не сильно ее изменило: от Виктора я узнал, что Маришка посещает тех же мастеров в салоне красоты, покупает одежду в тех же магазинах, питается в тех же ресторанах. Меня это, с одной стороны, несколько удивило, а с другой – я почувствовал себя ровней моему богатому клиенту. Возможно, я был не таким уж плохим мужем.

Я проводил Кормухина до стойки администратора. Прежде чем покинуть мой офис, он задержался в холле. Его остановила моя дочь.

Томка несколько секунд молча изучала мужчину. Обычно она сразу и легко идет на контакт, совершенно не фильтруя образы возникающих перед ней людей: она может быть одинаково приветлива с пьянчужгой на улице, с милой опрятной тетенькой в очереди к кассе супермаркета, гаишником, проверяющим мои документы на дороге, и прочим случайным лицом обоих полов и любого социального статуса. Но перед Виктором Кормухиным на нее напал неожиданный ступор.

– Привет, – сказал тот.

Томка молчала, склонив голову в бок. Мне стало неловко.

– Дочь, поздоровайся.

Томка кивнула, но продолжала молчать. Виктор улыбнулся.

– Ребенок просто стесняется, ничего страшного.

И тут неожиданно девочка подала голос:

– Ничо подобного! Я просто думаю, где вас видела.

– Мы встречались?

Томка пожала плечиками.

– Все может быть, мистер Долгопупс...

Я покраснел, а Виктор засмеялся.

– Как скажешь, юная леди, пусть будет Долгопупс.

– Кто-то из ее знакомых увлекается Гарри Поттером, – объяснил я. – Для нее это пока слишком сложно.

– Да, – важно подтвердила Томка, – Гарри Поттер – форева!

– Хорошо, – смеялся Виктор. Потом его лицо вдруг стало серьезным. Он перевел взгляд вниз, на пол. – Смотрите, юная леди, вы что-то обронили.

Я проследил за его взглядом. На полу возле левого сандалика Томки лежал блестящий предмет.

– Это же «моя счастливая монетка»! – воскликнула девочка. – Блин, она опять выпала из кармана! Пап, у меня в джинсах кармашек дырявый, почему ты не видишь!

Я покраснел, а Томка подняла с пола овальный золоченый медальон, подаренный Мариной, и в одну секунду спрятала его в другом кармане штанов.

Тут зазвонил мой мобильный телефон.

Я отошел в сторону. Звонил мой «личный банкир» (так я называл школьного товарища, служившего в коммерческом банке в отделе кредитов и у которого я неоднократно и весьма удачно одалживался). Краем уха я услышал, как Кормухин попросил рассказать ему про счастливую монетку. Томка что-то заверещала в ответ.

Кормухин покидал офис уже без меня. Разговор с банкиром занял много времени – что-то не срасталось с моими платежами за недавно взятый кредит. Я видел лишь, как Виктор,

уходя, сдержанно кивнул мне. В этом кивке я прочел надежду на то, что его просьба останется между нами.

После ухода клиента я больше получаса крутился в своем кресле в кабинете и размышлял. Томка сидела на кушетке перед телевизором в углу, смотрела детский канал. Одна из немногих вещей, способных отвлечь ее от меня, это проклятый телевизор с детским каналом.

Я понял, что ничего не понял. Жизнь моя странным образом сделала кружок по стадиону и вернулась к некой исходной точке. Если когда-то моя жена и казалась мне странным существом, то не более, чем все остальные женщины, пронесшиеся в жизни подобно кометам – ослепили, не обогрели, но оставив след. Теперь же я думал о ней в несколько ином ключе. Я снова должен был пережевывать ту же самую мысленную жвачку, которую, казалось, давно выплюнул.

– Том, – позвал я дочку.

– Да, пап? – Она даже не оторвалась от телевизора.

– По маме скучаешь?

Тамара не ответила. Смотрела на экран, где некий дядя Стив с кретинским выражением лица спрашивал у маленьких зрителей, где спряталась собака Булька.

– Том...

Она пожалала плечиками, наигранно вздохнула.

– Пап, я тебе лучше вот что скажу. – Она обернулась. – Поехали в «Макдонлиц»!

– Ты уже проголодалась? Мы же только что из дома.

– Ну и что! Гамбургер помогает думать.

– А тебе надо думать?

Она цокнула языком.

– Какой ты балда! Тебе надо думать, неужели не понятно!

– Ты как с отцом разговариваешь!

– Ой, да ладно, все равно ты меня любишь.

С этим я точно не мог спорить.

– Ладно, Кукрыникса, выключай телевизор и пойдем, перекусим гамбургером.

– И картошкой! Она помогает *не* думать!

Я рассмеялся. Пожалуй, я все время забываю, что моей козьявке только шесть.

И мы поехали. Могли и пешком дойти, тем более что парковаться возле киноцентра, в котором располагалась закусочная, в это время было практически невозможно, но Томка недвусмысленно дала понять, что собирается забраться ко мне на шею, а этого я себе позволить с некоторых пор не могу, потому что от сидячей работы шея моя постепенно становилась совсем уж никудышным седлом. Кроме того, пешком мы вообще рисковали не добраться до кафе, ибо моя любопытная дочь стала бы останавливаться возле каждой витрины и обитаемой скамейки, как пригородная электричка сбрасывает скорость у каждого садово-огородного товарищества.

В машине Томка заказала своего любимого Майкла Джексона. Я включил «Jam», под который она танцевала на новогоднем утреннике в детском саду. Шесть минут покоя мне гарантированы.

Всю дорогу до «Макдональдса» я думал, думал, думал. Но ничего путного придумать не сумел, потому что Томка у меня за спиной корчила рожи и подпевала Джексону: «Джем! Е-де, ту-бе! Джем!».

...Однажды мне пришлось прибегнуть к помощи экстрасенса. Да-да, не смейтесь. Были времена, когда мне приходилось скрывать свои сомнительные связи, ибо правильный сыщик обязан полагаться лишь на факты и улики, но теперь, в своем собственном агентстве, я вправе

призывать на помощь хоть колдунов, хоть черта лысого вместе со всей его свитой, и никто мне не скажет ни слова.

Я искал одного пропавшего мужа. Не вернулся домой в означенный срок молодой парень. В полиции дело не взяли, а женщина уже падала в обморок от страха. Мы вместе проработали несколько вариантов, но ни один не привел нас к пропавшему. Тогда я позвонил знакомой, Ольге Мякуш. Она нашла бедолагу в считанные минуты. Она увидела, что он жив и относительно здоров, описала место, где он мог находиться. Я направил туда людей. Парень пропал с любовницей за городом. Выяснилось, что накануне они с женой поссорились, и он решил не возвращаться домой и не отвечать на звонки. На мой вкус, он просто изувер, но дело не в том...

Ольга Мякуш задержалась у меня в офисе. Выпила чаю. Томка вертелась рядом, заигрывала с ней, как почти со всеми взрослыми, попадающими в поле зрения. В какой-то момент седая женщина усадила ребенка на колени и долго с ней говорила. Я не прислушивался, у меня было полно дел.

Когда пришло время прощаться, Ольга сказала одну вещь, о которой я все время думаю: – У тебя уникальный ребенок, Антош. Она чувствует людей и мир вокруг себя. Очень тонкий инструмент.

– Откуда вы знаете?

– Я же ведьма, – рассмеялась Ольга, – я все эдакое знаю. Береги свою Зайку.

По сути, она не сказала мне ничего нового. Я догадывался, что у меня необычный ребенок (когда мы с Томкой входим вечером в ближайшую к дому «Пятерочку», продавцы и кассиры бросают работу, чтобы поздороваться). Но мнением постороннего человека, особенно экстрасенса, я по-настоящему дорожил...

...«Зайка» доела свой гамбургер и навалилась на картошку. Я пил чай.

– Пап!

– Да?

– Знаешь, что я хочу?

– Не знаю. И не хочу знать. Для сегодняшнего утра я твоих желаний удовлетворил слишком много.

Она посмотрела на меня вопросительно. Опять сложная фраза.

– То есть это «нет»?

– Ага.

Томка наигранно вздохнула, запихнула в рот картофельный ломтик и рассеянно огляделась. А я продолжал думать.

Я уже знал, что возьму дело Кормухина (точнее, «дело Марины»). Никому из своих подчиненных не скажу даже о сути обращения клиента. Впрочем, Петру объяснять ничего не нужно, он парень понятливый, а остальных парней в офисе почти никогда не застанешь, они вечно в работе.

Я мог бы отказаться выполнять заказ из этических соображений, но очень уж мне интересно стало, что за скелеты могли храниться в шкафу моей бывшей возлюбленной. Тем более что Маришка все еще оставалась матерью моего ребенка, а уж тут никаких белых пятен быть не должно.

6

Для начала я набрал номер ее телефона. Марина не отвечала. Я уже начал к этому привыкать. Мне все чаще приходилось буквально гоняться за бывшей женой, чтобы напомнить о материнском долге, но это не могло продолжаться вечно. Не хочет – не надо, тем более что Тамарка вовсе не страдает без нее.

Я набрал второй ее мобильный номер, затем домашний, который мне оставил Виктор Кормухин. Оба щедро одарили меня длинными гудками, хотя, по данным клиента, объект должен был находиться дома.

Я обернулся к дочери, сидящей на заднем сиденье.

– Том, у меня много дел. Сейчас я отвезу тебя в офис, посидишь с тетей Настей.

– Не-а.

– В каком смысле?

– Я поеду с тобой.

– Уверена?

– Да. Я лучше тут посижу тихо-тихо, ладно?

Мне это не нравилось. Вести себя тихо Тамарка не умела с рождения. Кроме того, ее неумное любопытство могло помешать.

– Тома, я еще раз говорю...

– Пап!

Она посмотрела на меня «честными глазами».

– Ладно, седи. Но если услышу хоть один звук...

– ...ты дашь мне пинка!

Я тронулся с места в полной уверенности, что в ближайшие полчаса услышу за спиной много самых разных звуков.

Путь к городской квартире Кормухина не занял много времени. Минут через двадцать я уже аккуратно парковался возле изгороди новой высотки. Я купил свою нынешнюю «хонду» уже после ухода Марины, так что она не должна меня узнать. Зато я сам прекрасно видел, что ее машина, подаренная Виктором, стояла на месте. Внезапно я опять почувствовал укол ревности, к счастью, гораздо слабее предыдущих. Мое сердце уже отпустило эту женщину на все четыре стороны, разум вот-вот подтянется и окончательно решит все оставшиеся проблемы. Возможно, Кормухин был мне послан свыше, чтобы я, наконец, расстался со своим прошлым.

Ярко-красная «тойота» стояла на самом видном месте. Номер соответствовал указанному. Значит, Марина сидела дома. По словам Кормухина, она никуда не отправлялась пешком, даже до ближайшего магазина. Быстро же поменялись ее привычки!

Я снова набрал ее номер. Длинные гудки.

– Пап, за кем ты следишь?

– С чего ты взяла, что я слежу?

– Разве это не твоя работа – следить?

– Моя работа – разбирать бумажки на столе в кабинете.

– А где тогда твой кабинет с бумажками?

Я обернулся... и расхохотался. На меня с довольно глупым выражением лица смотрело странное существо в очках для подводного плавания. За маленькими стеклами в синей оправе глазки дочери были похожи на две игрушечные бусины. Я целый месяц искал эти очки и даже не подумал, что они могли валяться с прошлого лета в машине.

Впрочем, смешного на самом деле было мало. Томка смотрела в сторону двора, где в любой момент мог появиться мой «объект».

– Томыч, я, кажется, просил не мешать мне работать. Тебя отвезти в офис к тете Насте?

- Не надо.
- Тогда молчи.
- Я и молчу.
- И очкиними! От них на лице следы останутся.
- Потом.

Я взглянул на часы. Скоро полдень. Нормально работать с дочерью, сидящей на заднем сиденье, никак не получится, к бабке не ходи. Я решил, что мне все-таки придется подключать кого-то из ребят – тех, кто пришел на работу недавно и еще не успел погрузиться в нюансы моей биографии.

Только я собрался позвонить Петру, как дверь единственного подъезда распахнулась со страшным визгом. Во двор вышла Марина. В очень красивом летнем платье, обтягивающем ее упругую фигуру, и с сумочкой на плече. Я не видел ее несколько недель. Она изменилась, похудела, отпустила волосы, приделалась. При редких встречах со мной Марина производила впечатление человека, испытывающего постоянную нужду, просила у меня денег, будто не я остался с ребенком на руках, а она. Теперь же я видел перед собой совершенно другую женщину – эффектную, уверенную и вполне довольную жизнью.

– Пап...

– Томыч! – Я обернулся. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы мама и дочь встретились хотя бы взглядами. Если Тамара сейчас промолчит, то Марина спокойно сядет в машину и уедет, не обратив на нас внимания. Стекла моей машины тонированы. – Ну-ка, покажи мне свою мордашку!

Я снял с нее очки, схватил за подбородок и стал крутить, изображая поиски следов шоколада на физиономии. Боковым зрением наблюдал за Мариной. Та не спеша открыла машину, села на водительское сиденье, завела двигатель. Когда дверца красной «тойоты» захлопнулась, я отпустил дочь.

– Все нормально, страшила.

– Мог бы просто спросить, – проворчала Томка, – я бы тебе и так сказала, что все чисто. Кажется, она ничего не заметила.

Мы последовали за «тойотой». Моя бывшая жена казалась слишком беспечной, чтобы заметить слежку, поэтому я особо не маскировался. Томка молчала. Я включил «АС/ДС», одну из любимых ее групп. Попытки перекричать музыку, чтобы задать мне очередной глупый вопрос, не принесли успеха, и Томка замкнулась в себе, стала задумчиво смотреть в окно.

«Тойота» шла ровно, не выше шестидесяти километров в час. Я легко удерживал ее на перекрестках и даже мог увидеть лицо Марины, отраженное в боковом зеркале. Лишь однажды «тойота» проскочила на желтый сигнал светофора, а я остался ждать «зеленого», но уже на следующем перекрестке Маринка застряла сама, и я ее догнал.

Она была вальяжна, расслаблена. Это совсем другая женщина, в том не оставалось никаких сомнений. Я, конечно, удивлялся неожиданной метаморфозе, но не настолько, чтобы перестать соображать. Очевидно, в нашей общей семейной жизни Марина Гамова была каким-то другим человеком. Ведь я до сих пор прекрасно помнил ее реакцию на мой вопрос «Ты хочешь этого ребенка?». Она дернулась... всего на мгновение, но задержка не осталась незамеченной. Подмечать реакцию собеседника – моя профессия.

«А ты его хочешь?» – спросила она в ответ.

По сути, на том разговор и закончился.

«Интересно, – думал я, держась на два корпуса от красной „тойоты“, – а как бы сложилась наша жизнь, если бы тот разговор закончился иначе? Она бы сделала аборт, мы разошлись, и сейчас у меня на заднем сиденье не сидела бы эта маленькая чума, по чайной ложечке выпивающая мою драгоценную кровь. Все случилось бы именно так?».

Если бы да кабы... что-то там про грибы. Смотри вперед, старик, может, и найдешь ответы на все свои вопросы.

Марина свернула на одну из главных улиц делового центра, узенькую, состоящую из старых домов конца девятнадцатого века и офисных новостроек, стилизованных под старину. Добрую половину проезжей части занимали припаркованные автомобили. «Тойота» притормозила возле длинной галереи бутиков, офисов и уличных кафе, каким-то чудом отыскав место для парковки. Маринке повезло, ее маленькая красная японка сумела втиснуться между китайским джипом и подержанным «мерседесом». Я растерялся. Мне деваться было некуда, пришлось проехать мимо.

– Зар-раза!

Томка неожиданно проявила живейшее участие.

– Пап, вон есть место!

Она подскочила к спинке переднего кресла, из чего я сделал вывод, что все это время она оставалась не пристегнутой ремнем безопасности. На ругань и разбирательства я времени пожалел. Посмотрел в указанном Томкой направлении. Действительно, там нашлось местечко между «матизом» и «девяткой».

– Ты просто гений, папа!

– И ты ничего.

Заглушив двигатель, я обернулся.

– Так, дружище, сейчас ты сидишь тихо несколько минут, хорошо? Я скоро вернусь.

– Я с тобой!

– Нет!!

– Тогда оставь музыку.

– Да ради бога.

Я снял магнитолу с паузы, прибавил громкость.

– Наслаждайся.

– Ты недолго?

– Как получится.

На самом деле я даже не представлял, как далеко успела уйти моя бывшая. Я остановился примерно в пяти-шести машинах от места ее парковки. Она могла удрать так далеко, что останется лишь ожидать ее возвращения.

Впрочем, удача мне улыбнулась. Я увидел Марину за столиком летнего кафе в нескольких метрах от проезжей части. Она сидела ко мне спиной. Пока одна. Иногда посматривала влево, на витрину магазина итальянской одежды. Из соседнего кафе вышла молодая официантка в коричневом фартуке с папкой меню в руках. На предложение выбрать блюдо Марина отрицательно покачала головой, сделала какой-то короткий заказ. Наверно, чай или кофе.

Не сводя с нее глаз, я набрал номер на телефоне.

Петя откликнулся сразу. Он всегда носил трубку на груди и даже летние футболки выбирал с нагрудным карманом. Я как-то говорил ему, что держать трубку возле сердца вредно, но он лишь пожимал плечами.

– Да, Антон.

– Петруша, подбери мне кого-нибудь из молодых для наружки.

– Насколько молодых?

– Тех, кто пришел к нам за последние полгода.

– Таких немного. Свободны сейчас... – он помолчал, сверился с компьютером, – свободен только один, Саша Стадухин. Он на обеде.

– Вызывай.

– Хорошо. Кого ведем?

– Пока без комментариев. Присылай Сашу... – я посмотрел на угол здания, возле которого прятался, – присылай в центр, на Труда 23, я встречу. Только очень быстро, буквально сломя голову.

– Понял.

Я хотел дать Петру отбой, но заметил, что на освободившееся место возле летнего кафе подъехал черный джип. Из него вышел мужчина средних лет с длинными вьющимися волосами, в белой рубашке и с сумкой под мышкой. Я почему-то решил, что он усядется за интересующий меня столик.

И не ошибся.

– Антон?

– Да, Петь, я здесь. Еще одна вводная, запиши номер. – Я продиктовал ему госномер «туарега», на котором приехал новый персонаж. – Мне нужен хозяин этой машины.

– Позвонить Николаеву?

– Да, скажешь, что от меня.

Мой давний знакомый Сергей Николаев служил в отделе организационно-аналитической работы областного ГИБДД. Проще говоря, сидел на всей информационной автомобильной базе; мне стыдно признаться, но именно по этой причине он и стал моим знакомым, а позже выяснилось, что и парень он отличный. Серега неоднократно помогал мне в моих скромных изысканиях. Обычно я обращался к нему лично, ибо он не любил афишировать наши отношения, но к Петру гаишник относился лояльно.

Новый субъект сел вполборота ко мне. Я закурил, отошел к стене дома номер 23, встал возле водосточной трубы. Рядом круглолицая женщина в синем халате и с панамкой на голове торговала с лотка печатной прессой. Я купил у нее «Экспресс-газету», сделал вид, что читаю.

Марина и молодой человек беседовали. Марине принесли горячий напиток в чашке. Воспользовавшись моментом, молодой человек тоже что-то заказал. Официантка с улыбкой удалилась.

Я не умел читать по губам. Сурдопереводчики иногда привлекались к работе на моем прежнем месте службы, но ни с одним из них мне не удалось установить близких отношений. Единственное, что я мог отметить, наблюдая беседу моих подопечных, это достаточную расслабленность парня и суетливость Марины. Судя по всему, он говорил с ней как человек, имевший основания требовать отчета.

Молодому человеку вскоре принесли бокал янтарной жидкости. Верхний край бокала украшала солидная пенная шапка. Надеюсь, парень заказал безалкогольное пиво, иначе я сдам его своим знакомым не сходя с этого места (прежде, конечно, выясню, что за фрукт).

Неожиданно из моей машины раздалась серия гулких ударов. Это Томка перелезла через спинки кресел и врубила музыку на полную мощность.

Маленький бесенок!

Я махнул ей рукой – «сделай тише!» – но она лишь улыбнулась во весь рот, демонстрируя «окошко» впереди, в которое вылезает длинный язык. Она злила меня нарочно. Мне осталось лишь молча показать кулак, ведь если она решит, что должна меня услышать, и откроет окно, дьявольские колокола «AC/DC» наверняка долетят до летнего кафе.

Зачем я вообще потащил с собой дочь?! Сдам ее к бабе Соне на неделю, будет знать!

Я не успел додумать эту мысль. Завибрировал зажатый в кулаке телефон.

– Алло?

– Антон...

Петя колебался. Кажется, раскопал что-то очень важное. Или, напротив, не раскопал ничего.

– Не мычи!

– Николаев пробил номер. Долго ругался, конечно, потому что у него сейчас какой-то аврал на службе...

– Лирику опусти.

– В общем, хозяин вашего автомобиля – некто Чебышев.

– Некто? Что за имя такое?

Петр смутился. Я редко повышаю на него голос, но нынешним утром ваш покорный слуга был явно не в себе.

– Игорь Владимирович Чебышев, родной брат Николая Владимировича Чебышева, осужденного на двадцать пять лет строгого...

Тут до меня дошло, и я едва не уронил трубку на асфальт.

Моя бывшая жена в данную минуту о чем-то беседовала с братом того джентльмена удачи, которого мои коллеги взяли на угоне «лексуса» и на радостях украсили обвинением в зверском убийстве предпринимателя Панина... и дело которого стало последним фактором, повлиявшим на мой жизненный разворот.

– Антон, ты со мной?

– Куда я денусь от тебя, кровосос.

– Мне размотать объект?

– Мотай до упора. И еще... – Я понимал, что ввязался во что-то очень странное. – Размотай моего сегодняшнего визитера Виктора Кормухина. Тащи все, что найдешь.

– Понял, – со вздохом ответил Петя.

Кажется, я отсрочил его обеденный перерыв.

Мои подопечные снялись с якоря через пятнадцать минут. За это время я успел сделать своим телефоном несколько фотоснимков, выкурить две сигареты и поссориться с теткой, торгующей газетами.

– Ваш дым мешает моему бизнесу! – ворчала она.

Дабы не привлекать к себе лишнего внимания, я бросил на прилавок сто рублей.

– Это мой вклад в ваше дальнейшее процветание.

Тетка для порядка еще немного побурчала, но купюру приняла.

Марина вышла из-за столика первой. Чебышев даже не приподнял зад, чтобы попрощаться. Пялился в принесенный официанткой счет. Судя по всему, моя бывшая его серьезно огорчила. Что ж, дружище, в этом ты не одинок.

Неожиданно кто-то схватил меня за локоть.

– Антон.

Это Саша Стадухин. «Молодым» его можно было назвать с большой натяжкой. Высокий тридцатилетний детинушка с ленинскими проплешинами, чем-то похожий на английского принца – того самого, который женился недавно в прямом эфире, все время забываю его имя. Моя секретарша Настя не могла оторваться от экрана телевизора в приемной, наблюдая пышную церемонию.

– Вызывали? – спросил Саша.

– Да.

Я посмотрел в сторону кафе. Чебышев оставался на месте. Марина садилась в машину.

Кого из них отдать Стадухину?

– Саш, возьми женщину, доведи до дома. Она живет на Энтузиастов, в доме за шлагбаумом. Если понадобится помощь, звони Петру.

Саша кивнул и направился к своей машине, припаркованной на противоположной стороне улицы.

Я снова следил за Чебышевым. Он успел заказать еще бокал пива и закуски. Отбывать явно не спешил. Я больше не видел смысла приглядывать за ним и вернулся в свою машину.

Диск в магнитоле закончился. Томка сидела на заднем сиденье обиженная. Врала, конечно. Я могу распознать, когда она на самом деле обижается и реально плачет. И то, и другое она делает крайне редко. Сейчас она просто решила меня поиметь.

– Чего надулась?

– Так, просто... жарко тут.

Я открыл окна.

– Сейчас поедем с ветерком. К бабе Соне хочешь?

Томка для приличия немного подулась, но против визита к бабушке уже ничего не имела.

– Погнали!

– Тогда пристегнись.

Когда я уже вырулил со стоянки и остановился на ближайшем светофоре, дочь вновь подала голос:

– Пап, ты спрашивал, скучаю ли я по маме...

– Ну? – По спине побежал холодок. Она всегда выбирала точное время, когда отвечать на ранее заданные вопросы.

– Даже не знаю, что сказать.

Я обернулся. Томка глядела на мальчишку с великом.

7

Софья Андреевна Данилова относилась к числу людей, которые никогда ничему не удивляются – ни схождению Благодатного огня, ни возвращению партсобраний. Если во дворе ее дома приземлится летающая тарелка, пилотируемая вооруженными креветками, как в «Районе №9», она накормит их обедом и подскажет, как добраться до мэрии. Наверно, живи она во время Великой Отечественной войны, одинаковое гостеприимство в ее доме находили бы и русские партизаны, и эсэсовцы. Всякая живая козявка, попавшая в поле зрения, могла рассчитывать на помощь, поэтому входная дверь в ее доме никогда не закрывалась.

Когда-то матушка была учительницей физики. Она достигла пенсионного возраста, но могла бы преподавать свою любимую физику и дальше, но что-то ее остановило.

– Я совсем не понимаю нынешнего школьника, – сетовала она во время тех редких разговоров, что сводили нас на ее кухне за рюмкой домашней вишневой настойки. – Я не могу угнаться за ними, и мой прирожденный артистизм уже не спасает. Им не нужна физика, им нужны экономика, информатика и юриспруденция. Прагматичное поколение, не верящее в чудеса.

– Какие чудеса на физике, мам! – смеялся я. – Е равно эм-це-квадрат.

– Физика – самая чудесная наука, балда! Подрстет твоя Томка и спросит: папа, зачем мне эта физика?! А ты ей ответишь: вот ты катишься на велосипеде, прыгаешь через скакалку, давишь диван перед телевизором, бросаешь из окна сырые яйца в прохожих – все это чистой воды физика, самый потрясающий предмет в школе, если не считать пения.

В свои шестьдесят моя матушка оставалась неисправимой оптимисткой, хотя очень редко улыбалась. Она даже шутила без участия мышц лица. Мне очень жаль, что я так и не видел ни одного ее урока, потому что учился в другой школе – таково было ее принципиальное решение.

Сегодня, как и в любой другой день, дверь в ее квартиру была не заперта. Войдя, я услышал, как мама копошится на кухне.

– В деревне живешь? – крикнул я с порога. – Прикрывай калитку хоть иногда!

– Что со мной может случиться!

– Сопрут что-нибудь из прихожей. Ко мне недавно обратился один ротозей, который любил оставлять дверь открытой. У него сперли сумочку со всеми документами, ключами от машины и кредитными картами.

Мама наконец появилась из-за угла. Руки и синяя домашняя футболка были измазаны в муке.

– Ты нашел негодяя?

– Разумеется. Это был школьный друг его десятилетнего сына.

– Ты у меня молодец. – Она присела перед Томкой. – Здравствуй, ангел мой. Снова вместе?

– Ага. – Томка скинула кроссовки и прошла в гостиную. – Я папе мешаю.

– В этом нет ничего нового, детка, мы всегда мешаем мужчинам. – Мама чмокнула меня в щеку, разведя в разные стороны испачканные мукой руки. – Обедать будешь?

– Нет, спасибо. Мне нужно кое-куда съездить.

– Это я уже поняла. А вечером на тебя рассчитывать? Я приготовлю рыбу.

– Пока не знаю. Но за Томкой я в любом случае приеду.

Я посмотрел за ее плечо. Дочь уже не проявляла ко мне никакого интереса. Ее вниманием вновь полностью завладел телевизор, переключенный на детский канал.

– У тебя что-то случилось? – спросила мать.

– С чего ты взяла?

– Вид утомленный... и растерянный, я бы сказала.

Матушка, как всегда, попала в «десятку», лишив меня возможности отшутиться.

– Я возьму тебя на полставки к себе, мам. Специалисты по физиогномике мне нужны.

– На зарплате разоришься. Я – *хороший* специалист по физиогномике. И по всяким другим «гномикам» тоже.

– Не сомневаюсь.

Мы мялись на пороге. Она ждала моих обычных распоряжений насчет дочери, но я и правда выглядел довольно неубедительно. Пора валить, иначе мать схватит меня за пуговицу на пиджаке и заставит колотиться.

– Ладно, пойду.

Она изучала меня. Просто вгрызалась глазами. Никогда не мог выдерживать этот взгляд и не могу до сих пор, хотя самому уже почти сорок.

– Пули бандитские не свистят над ухом?

– Ни в коем разе.

– Бандитские кулаки не целятся в нос?

– Насмотрелась дешевых детективов?

– Крупнобюджетных тоже порядочно видела. Иногда не сплю ночами, знаешь ли, хотя из милиции ты давно ушел.

– Такая твоя материнская доля.

Вниз по ступенькам я спустился почти бегом, едва не свалившись на последнем пролете. Тотальное безобразие происходит с моим лицом в последнее время. Я совсем перестал им управлять. Непростительный дефект для старого сыскного пса.

В машине я не успел завести двигатель, как на меня свалился еще один, второй за сегодняшний день, железобетонный сюрприз.

– Антон...

Господи, Петя, когда ж ты перестанешь мямлить!

– Что-то нарыл?

– Да. Игорь Чебышев, 32 года, держит сеть авторемонтных мастерских на северо-западе. Не женат, к уголовной ответственности не привлекался, но проходил свидетелем по делу об угоне (Петя хмыкнул). Еще из личной информации, если это важно, можно отметить, что брат Чебышева, сидевший в тюрьме, умер шесть лет назад. После этого Игорь...

Я не слушал дальше. Рот мой застыл в открытом положении. В салон автомобиля через окно влетела муха. Она ревела как истребитель. Только бы не залетела в рот.

Скоро я понял, что теряю нить разговора.

– Петя, стоп! – прервал я его унылый монолог. – Когда и как умер его брат?

– Около шести лет назад, в колонии. Что случилось, точно не скажу, но очень похоже на конфликт с ворами.

– Его убили?

– Нашинковали в капусту. Я говорил, что после его смерти Игорь закрыл бизнес и пропал на несколько лет, а недавно откуда-то вынырнул и довольно неплохо развернулся.

– Угу, – ответил я. На большее меня пока не хватало. Петр терпеливо висел на проводе, ждал следующих вопросов, но вопросы не последовали. Были лишь соображения, озвучивать которые сейчас не стоило.

Итак, я познакомился с Мариной, когда принял решение уйти из органов после того дурного дела с Чебурашкой. Смалодушничал, знаю. Мог вмешаться, но махнул рукой, не пошел против системы, предпочел поступить, как сейчас говорят, в соответствии с «теорией малых дел»: если не способен противостоять, то хотя бы не участвуй. Вот и остался вроде бы чистеньким, а парня оформили на полжизни пребывания в нашей курортно-пенитенциарной системе... а теперь выяснилось, что приговорили фактически к смерти. И Марина, на которой я вскоре женился, теперь уже как бывшая моя жена встречается с Игорем Чебышевым. Это

можно было бы назвать совпадением – поражающим воображение совпадением, какие иногда все же случаются в жизни, превосходя своей фантастичностью сюжеты авантюрных романов, но едва ли.

– Антон...

Я встряхнулся.

– По Кормухину нашел что-нибудь?

– Только из открытых источников. Если нужно исподнее...

– Нужно! Есть свободные люди?

– Я мог бы и сам заняться, – смутился Петя.

– Займись, будь добр.

Он отключился. А я не трогался с места, гонял двигатель вхолостую. У меня появилось ощущение, что вокруг меня что-то затевается. Какой-то маленький вихрь, зародившийся много лет назад, но только сейчас набравший силу.

8. Параллельная реальность. Утренний ангел

Голова как в тумане. Подбирается третья стадия опьянения. Предметы и люди, тебя окружающие, превращаются в проекции обрывочных воспоминаний. Ты как будто все еще в строю, но одновременно и в другой галактике. Тебе странно, что собутыльники наутро убеждают и успокаивают, как безнадежного больного, что ты вполне владел языком, смеялся и говорил разумные вещи... но ты-то точно знаешь, что ничего этого быть не могло. Все врут друзья.

Это один из моих вечеров после дела Чебурашки. Я уже подал рапорт об увольнении. Убеждения и разговоры ни к чему не приведут. Я майор уголовного розыска, я учился своему делу с тщанием и преданностью, я старался быть достойным мундира, а меня – носом в писсуар. Нет, ребята, пока я еще без пивного брюха и с относительно чистой репутацией, так что пойду подобру-поздорову. Хотите выпить со мной напоследок – милости прошу.

Пьем долго и страшно. Шумим. Разговариваем, пытаюсь перекричать музыку – чертов блюз, как в американском кабаке в Техасе, где собираются пятничным вечером водители грузовиков и местные копы. Табачный дым давно застилает не только глаза, но и разум. Где-то бьется посуда, падает стул... или стол. Я уже не знаю, кому я рассказываю на десятый круг свою грустную историю праведника, попавшего в вертеп. Кто-то слушает, но мне уже не важно, я рассказываю самому себе.

И вот, наконец, долгожданная третья стадия опьянения. Я есть... и в то же время – отсутствую.

Утром кто-то просыпается рядом со мной. Женского пола. Голая. Точнее, лишь в трусиках. Сосок левой груди глядит в потолок, второй прячется под одеялом. Судя по площади залегания, грудь у моей вечерней знакомой что надо. Впрочем, девушка отнюдь не красуется передо мной, просто одеяло соскользнуло. Ангел спит и не замечает моего озадаченного взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.